

В. В. Бардакова

«ГОВОРЯЩИЕ» ИМЕНА В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

The paper analyses proper names which occur in literature for children. The authors of literary fairy-tales use so-called «speaking» names. The use of such proper names is also one of the attributes of this genre. Various means of creating proper names are also observed in the article; the most widespread of them is contextual onymization.

Современные исследователи литературной ономастики (Ю. А. Карпенко, В. М. Калинин, Е. С. Отин, В. Н. Михайлов, Н. В. Васильева, А. В. Пузырев, В. И. Супрун, А. А. Фомин и др.) не высказывают сомнений относительно истинности наблюдения Ю. Н. Тынянова об отсутствии «неговорящих» имен в литературе и отмечают, что в литературных произведениях нет нейтральных, стилистически немаркированных имен. Имя персонажа венчает художественный образ, придает ему завершенность, и информация, заключенная в самом его звучании, играет немаловажную роль. Однако есть литературные сферы, где наличие «говорящих» имен демонстративно обязательно. Одна из них – литература для детей.

На традицию употребления «говорящих» имен в детской литературе уже обращала внимание М. В. Карпенко [1970]. В данной статье представлены наблюдения над ономастикомом литературных сказок русских писателей (к описанию различных сторон онимического пространства авторских сказок мы уже обращались [см.: Бардакова, 1999, 2006]).

В литературной сказке поэтоним многофункционален: имя выполняет эстетическую, стилистическую, текстообразующую, жанрообразующую и другие функции [см.: Бондалетов, 1983; Фоякова, 1990; Супрун, 2000; Воронова, 2000; Дьякова, 2006; и др.].

Так, имя персонажа играет важную роль в организации проблематики и композиции сказки «Приключения Незнайки и его друзей» Н. Н. Носова, выполняя «ха-

рактерологическую функцию в предельно концентрированной форме» [см.: Долженко, 2001, 122–127; 2002, 36–38]. В созданном писателем сказочном мире коротышек «ростом с небольшой огурец» имена героев важны как выражение их социальной роли и психологических характеристик, что, в свою очередь, позволяет разграничить носителей «детских» и «взрослых» качеств. Так, в именах малышей-мальчиков фиксируется наиболее ярко проявляющееся качество героя, определенным (не всегда лучшим) образом его аттестующее: излишняя торопливость (*Торопыжка*), пристрастие к сладкому и к еде вообще (*Пончик*, *Сиропчик*), способность все терять (*Растеряйка*) и т. п. Имена девочек-малышек, напротив, вызывают только положительные эмоции: *Мушка*, *Кнопочка*, *Синеглазка*, *Снежинка*, *Белочка*, *Заинька*, *Стрекоза*, *Галочка*, *Елочка*, *Маргаритка* и др. Имена взрослых малышей прямо или косвенно (преимущественно метонимически) указывают на их профессию или род занятий: доктор *Пилюлькин*, музыкант *Гуся*, охотник *Пулька*, художник *Тюбик*, механики *Винтик* и *Шпунтик*, астроном *Стегляшкин* и др. Мотивация имени нередко представлена в тексте, например: астроном *Стегляшкин* – «умел делать из осколков битых бутылок увеличительные стекла» и «сделал большую подзорную трубу, в которую можно смотреть на луну и звезды».

Имена жителей Змеевки и Зеленого города создаются по тем же принципам: писатель *Смекайло*, механик и изобретатель *Шурупчик* и др. При этом наблюдается не столь явное, как у коротышек-мальчиков, но все же выделение малышек-взрослых: практикующая лечение медом врач *Медуница*, поэтесса *Самоцветик*, очень умная *Соломка* и т. п.

Безусловно, особенно важны антонимичные имена главных героев сказки – *Знайка* и *Незнайка*. Их противопоставление подчеркнуто и текстовой мотивацией: «Самым главным из них был малыш-коротыш, по имени Знайка. Его прозвали Знайкой за то, что он знал очень много»; «Но самым известным среди них был малыш по имени Незнайка. Его прозвали Незнайкой за то, что он ничего не знал...». Противоречие между незнанием и знанием, воплощением которых стали Незнайка и Знайка, а также стремление от незнания к знанию (характерное не только для Незнайки, но и для других героев сказочной повести) движет сюжетом, придает сказочной истории целостность. При этом Знайка возглавляет группу «взрослых», умеющих что-либо делать коротышек (*Пилюлькин*, *Гуся*, *Тюбик*, *Винтик* и *Шпунтик* и др.), а имя Незнайки – ключевое в ряду коротышек, воплощающих детей. И если *Торопыжка*, *Пончик* и *Сиропчик*, *Авоська* и *Небоська*, *Ворчун*, *Молчун*, *Растеряйка* являются носителями отдельных качеств, то Незнайка вбирает в себя все распределенные автором между другими персонажами черты характера и дополняет их своими собственными «недостатками», присущими детям.

Продуктивным способом имятворчества у Н. Н. Носова является онимизация апеллятивов: *Тюбик*, *Снежинка*, *Стрекоза*, *Маргаритка*. Оним *Гуся* образован от названия музыкального инструмента (*гусли*), форма единственного числа в поэтониме обусловлена тем, что это индивидуальное наименование. Нередко имена образованы от апеллятивов с помощью суффикса *-к-*: *Авоська* – *авось* + *к(а)*; *Не-*

боська – *небось* + *к(а)*; *Пулька* – *пул(я)* + *к(а)* – что придает именам сказочных персонажей сходство с именами персонажей рассказов этого автора (ср.: *Мишка*, *Бобка*, *Котька* и под.). Широко используются уменьшительно-ласкательные суффиксы: *Шурупчик*, *Сиропчик*, *Винтик*, *Кнопочка*, *Белочка*. Интересны антропонимы *Пилюлькин* и *Стекляшкин*, созданные по модели образования фамилий; в них также присутствуют уменьшительные суффиксы.

Для литературных сказок частотна контекстуальная онимизация, когда апеллятивы функционируют в тексте в качестве имен собственных, например: *Ёжик*, *Медвежонок*, *Доктор Дятел*, *Зайчонок*, *Осинка*, *Ясень*, *Сосна* (пьеса-сказка С. Г. Козлова «Снежный цветок»). Распространенность такого приема, как представляется, детерминирована парадигматическими свойствами литературных имен собственных: участвуя в композиционной и языковой организации художественного текста, они взаимодействуют между собой и со своими функциональными эквивалентами (парафрастическими образованиями, субстантивными и прономинальными заменами). В результате взаимодействия онимов и апеллятивов в художественном тексте происходит сближение их стилистической функции. Например, в сказках-пьесах С. Я. Маршака фиксируются следующие номинативные синонимические ряды с доминантным именем собственным, отраженным в перечне действующих лиц: *Кошка* – *кошка*, *заморская*, *ангорская*; *тетя кошка*; *кошечка*, *почтенная хозяйка*; ср. также фразу в устах героини: «Мой прадед – Кот Ангорский!»; *Кот Василий* – *старый кот*, *кошкин дворник*, *Василий*, *Василий-кот*, *Васенька*, *Вася-дворник*, *Кот Василий хромоногий*; *Козел* – *козел*, *Козел Козлович*; *Петух* – *петух боевой*, *Петя-петушок*, *петух*. Как видно, приведенные ряды включают как онимические, так и апеллятивные дублиеты, функционирующие в художественном пространстве в качестве номинативов персонажа.

В то же время в сказках С. Я. Маршака часто используются нарицательные имена как индивидуализирующие названия: *Старуха-мачеха*, *Дочка*, *Падчерица*, *Королева*, *Гофмейстерина*, *Учитель Королевы*, *Профессор*, *Канцлер*, *Начальник королевской стражи*, *Офицер королевской стражи*, *Королевский прокурор*, *Посол Западной державы*, *Посол Восточной державы*, *Главный садовник*, *Садовники*, *Старый Солдат*, *Молодой Солдат*, *Ворон*, *Волк*, *Лисица*, *Заяц*, *Первая Белка*, *Вторая Белка*, *Медведь*, *Двенадцать месяцев*, *Все месяцы* – *Январь*, *Февраль*, *Апрель*, *Май*, *Декабрь*, *Август*, *Март*, *Июль*, *Июнь*, *Ноябрь*, *Сентябрь*; *Первый глашатай*, *Второй глашатай*, *Придворные*, *Пажи* («Двенадцать месяцев»); *Дед*, *дед*; *Баба*, *баба*; *Козел*, *козел*; *Семь волков* – *1-й волк*, *2-й волк*, *3-й волк*, *4-й волк*, *5-й волк*, *6-й волк*, *7-й волк* («Сказка про козла»).

Аналогичны примеры из сказок Д. Н. Мамина-Сибиряка: *Канарейка*, *Ворона*, *кот Васька* и *Васька* («Сказочка про воронушку – черную головушку и желтую канарейку»); *Молочко*, *Кашка*, *кот Мурка* («Притча о молочке, овсяной кашке и сером котике Мурке»); *Козявочка*, *Червячок*, *Шмель* («Сказочка про Козявочку»); *Мушка* и *Муха* («Сказка о том, как жила-была последняя муха»); *Индюшка*, *Петух*, *Гусак*, *Курочка*, *Еж* («Умнее всех»). Однако в этом случае о процессе онимизации можно говорить условно, поскольку такие единицы продолжают функ-

ционировать в роли слов-классификаторов, выполняют первичную функцию нарицательной лексики – обобщения. Аpellятив становится функциональным эквивалентом онима.

«Неустойчивая» онимизация сопряжена в определенной мере с фольклорной традицией именованя сказочных персонажей и стилистически «обрамляется» также традиционно, что проявляется в обращении автора к фольклорной поэтике (инверсия, постоянные эпитеты и т. д.). Например, в «Теремке» С. Я. Маршака: *Злой дед, Злой; Добрый Дед, Добрый; Лягушка – лягушка-квакушка; Мышка – (мышь) мышка-норушка; Петух – петушок – золотой гребешок* и т. д. («Я – петушок, золотой гребешок, маслена головушка, шелкова бородушка»); *Еж – серый ежик, серый ежик – ни головы, ни ножек* («Я – серый ежик, ни головы, ни ножек, горбом спина, на спине борона»); *Волк – волк – зубами щелк* («А я волк – зубами щелк»), *волк; Лиса – кумушка-лиса, Лизавета, лиса; Медведь – Мишенька-медведь, Мишка, Миша, Мишенька, Михаил Иванович, медведь*. То же в сказках Д. Н. Мамина-Сибиряка: *Заяц – длинные уши, косые глаза, короткий хвост, косой глаз, Заяц-хвастун; серый Волк* («Сказка про храброго зайца – длинные уши, косые глаза, короткий хвост»); *Комар Комарович – длинный нос*, его дедушка *Комарище – длинный носище* и младший брат, *Комаришко – длинный носишко*, мохнатый *Миша – короткий хвост, Михайло Иванович* («Сказка про Комара Комаровича – длинный нос и про мохнатого Мишу – короткий хвост»); ср. также *воронушка – черная головушка* в названии сказки.

Игровое начало влияет на выбор именных формул, на подбор эпитетов в сказках Д. Н. Мамина-Сибиряка: Заяц, который хвастливо заявляет, что он не боится ни волка, ни лисицы, ни медведя, – *смешной Заяц* («Ах, какой смешной Заяц»); когда же зайцы стали свидетелями того, как «ловко напугал Волка наш Заяц», эпитеты меняются: *бесстрашный Заяц, храбрый Заяц* («Сказка про храброго зайца – длинные уши, косые глаза, короткий хвост»); ерш уважительно именуется *Ерш Ершович*, а воробей – *Воробей Воробейч*, но в словосочетании «гнались за *вором Воробьем*» автор опирается на народную этимологию слова («Сказка про Воробья Воробейча, Ерша Ершовича и веселого трубочиста Яшу»); в именной формуле *Комар Комарович* использование отчества говорит о солидности и авторитетности комара, что подчеркивается менее «солидными» номинациями *старушка Комарица, дедушка Комарище, младший брат Комаришко* («Сказка про Комара Комаровича – длинный нос и про мохнатого Мишу – короткий хвост»).

Авторская художественно-познавательная сказка моделируется по образу и подобию народных сказок о животных. Активно используемый в ней прием антропоморфизации позволяет достоверно изобразить действительность в простой и доступной детям занимательной форме. Антропоморфизм образов природоведческой сказки обуславливает и наиболее частотный способ номинации персонажей, когда в качестве онима выступает родовое или видовое название животного, птицы, насекомого, растения. Таковы, например, номинации в природоведческих сказках В. В. Бианки: *Жаворонок, Медянка, Журавль, Чомга, Летучая Мышь, Крот, Белка-Векша* («Чьи это ноги?»); *Аист, Выпь, Дятел, Жук, Шмель, Саран-*

ча, *Бекас* («Кто чем поет?»); *Муха, Слизняк, Рыба, Рак, Дятел, Оленуха, Волк, Лисица, Корова* («Хвосты») и др.

Таким образом, имя персонажа входит в текст, уже наполненное содержанием, и дополняется энциклопедическими сведениями: описанием внешнего вида, информацией о среде обитания, образе жизни животного, птицы. Для произведения детской литературы это существенный момент, так как полнота восприятия содержания имени во многом зависит от имеющихся у читателя представлений. Подобный способ подачи информации соотнобразуется с детским восприятием, позволяет в доступной форме передать детям знания о природе. В каждом новом произведении маленький читатель узнает больше о жизни природы, об обитателях лесов и полей, морей и рек. Исходя из этого к перечню функций литературного имени собственного в природоведческой сказке можно добавить и информационно-познавательную.

Имя и его формы, эквивалентные апеллятивные замены онима, или контекстуальные синонимы, в тексте «наполняются» содержанием, участвуют в создании образа персонажа. В сказке «Серая Шейка» Д. Н. Мамин-Сибиряк называет персонажей видовыми именами – *Утка, Селезень, Лиса, Заяц*; при этом автор выделяет главную героиню произведения именем *Серая Шейка*, мотивированным чертой внешнего вида утки. Именования фоновых персонажей в этой сказке – апеллятивы: *лебеди, гуси и утки, кулички-песочники, кулички-плавунчики, чернозобики, черныши, зуйки*.

Подобным образом выстраивается именной ряд и в сказке «Серая Звездочка» Б. В. Заходера: персонажи *Ёжик, Ежонок, Сорока, Жуки, Гусеницы, Слизняки, Бабочки, Крапивница, Анютины Глазки, Маргаритки, Розы, Розовый Куст, Колокольчики* и главная героиня – жаба *Серая Звездочка, Звездочка*, чье имя – уже психологический портрет, содержащий как характеристику личностных качеств, так и опосредованную текстом авторскую оценку героя произведения.

В сказке Б. В. Заходера «Русачок» можно наблюдать переименование героя, сопряженное с происходящими с ним изменениями. Сюжет строится на том, как зайчонок вырос и превратился в зайца. Начинает автор с традиционного представления героев: «Жил-был маленький зайчик, по имени Русачок, и был у него знакомый Головастик. Зайчик жил на лесной опушке, а Головастик – в пруду». Скоро Головастик вырос и стал Лягушонком: «Так бывает!.. Все так: как вырастут, так и превратятся! Из червячка – комар или там жук получится, из икринки – рыбка, а из Головастика – известное дело – Лягушка!».

Озабоченный предстоящей и с ним переменной, Русачок отправляется по лесу выбрать, в кого превратиться ему. Зайчишка встречает по пути Глухаря, Белку, Лису, Лося и «примеряет» к себе образ жизни других лесных жителей. Он видит птицу и, не зная, кто это, обращается к птице то *тетенька-птица*, то *дяденька Чуфык* (птица распевает: «Чуфык-чуфык!»). Встретив Белку, которая «с ветки на ветку прыгает», Русачок думает, не стать ли Белкой (написание с большой буквы – знак имени собственного – позволяет интерпретировать размышления зайчонка как «желание получить имя *Белка*, а не стать белкой вообще»). Долго выбирая, в кого

ему превратиться – в Лису, Волка, Мышку, Ежа, Бобра или Медведя, – Русачок, наконец, встречает Лося (*великан, Лось Сохатый, Лось, дяденька Лось*), который называет зайчишку по имени – *Русачок*, и объясняет, что *Лось* вырастает из *Лосенка*. Когда же Русачок возвращается домой, он находит *Лягушонка*, даже уже *Лягушку*, бывшего *Головастика*. Сам же *Русачок* за время странствий стал настоящим *Зайцем-Русаком*, «большим, красивым *Зайцем*».

Приключения *Муравьишки*, героя одноименной сказки В. В. Бианки, приводят его к встрече с разными насекомыми: *Гусеницей-Землемером* (*Землемер, червяк*), *Пауком-Сенокосцем* (*Паук*), *Жужелицей* (*Жужелка*), *Жучком-Блошачком* (*Блошачок*), *Кузнечиком*, *Водомером* (*Водомерка-Клоп*), *Майским Хрущем* (*Хрущ, Жук*), *Гусеницей-Листоверткой* (*Гусеница, Листовертка*). В сказке «Паучок-пилот» автор представляет читателю *Жука-Оленя*, *Кузнечика-Скачка* (*Скачок*), *Слизняка-Прудовика*, *Слизняка-Мягкотела* (*Слизняк*), *Жука-Медляка* (*Жук*), *Клопа-Скорпиона*, *Жука-Плавунца*, *Паука-Серебрянку* (*Серебрянка*). Вместе с *Береговушкой* в сказке «Лесные домишки» читатель знакомится с птицами – *Зуйком*, *Витютнем*, *Иволгой*, *Пеночкой*, *Чомгой*. В текстах названных произведений присутствует краткое и емкое описание внешнего вида животных, рассказывается о том, как устроены гнезда птиц, о способах передвижения насекомых и о среде их обитания. Обращает на себя внимание стилистическая маркированность имен главных персонажей – *Муравьишка*, *Паучок-пилот*, *Береговушка*.

В сказке «Чей нос лучше?» В. В. Бианки также использует прием двойной номинации, дополняя отапеллятивное имя характеризующим, указывающим на особенности клюва каждой птицы: *Мухолов-Тонконос* (*Мухолов*), *Клест-Крестонос*, *Бекас-Долгонос*, «два брата кулика» – *Шилонос* и *Кроншнеп-Серпонос*, *Козодой-Сетконос*, *Пеликан-Мешконос* (*Пеликан*), *Дятел-Долбонос*, *Ястреб-Крючконос*. Отсутствие названия птицы в имени компенсируется контекстуальным окружением, помогающим определить, у какой птицы такой нос, например: у *Дубоноса* «совсем простой нос, как у Воробья, только потолще»; «крякнул» *Широконос*. Неоднословные номинации в тексте представлены в различных вариантах: возможно и полное именование (с употреблением всех составляющих имя компонентов), и сокращение (свертывание) отдельных элементов в составе единицы. В условиях контекста ономастическое значение развивается, накапливая смыслы за счет как отапеллятивных производных, так и образных номинаций. Подобный процесс преобразования имени собственного, в том числе и в художественном тексте, традиционно называют семантической конденсацией.

В именовании героев своих сказок авторы прибегают и к звукоподражательным словам и их дериватам как к экспрессивно-изобразительному средству художественной речи, например: мышонок *Пик*, воробьи *Чик* и *Чирика* (В. В. Бианки), стрижонок *Скрип* (В. П. Астафьев); собака *Авва*, утка *Кика*, свинка *Хрю-Хрю* (К. И. Чуковский) и др.

Звукоподражательное имя используется и как прием языковой игры:

«...На чердаке этого домика жил котенок по имени *Гав*...
Гав... спустился во двор. А во дворе бегал щенок и громко лаил:
 – Гав, гав, гав!
 – Ты меня зовешь? – спросил котенок.
 – Нет. Я просто лаю. Гав!
 – А меня так и зовут – *Гав*!
 – Здорово! – обрадовался щенок. – Удобное имя» (Г. Остер «Котенок по имени Гав»).

Имена главного героя и других персонажей нередко входят в заглавие сказок, например: «*Оранжевое Горлышко*», «*Мышонок Пик*», «*Приключения Муравьишки*», «*Сова*», «*Паучок-пилот*» и др. (В. В. Бианки); «*Серая Звездочка*», «*Русачок*», «*Отшельник и Роза*» (Б. В. Заходер); «*Заяц, Косач, Медведь и Весна*», «*Барсук и Медведь*» (Н. Н. Сладков), «*Стрижонок Скрип*» (В. П. Астафьев); «*Огневушка-Поскакушка*», «*Голубая Змейка*», «*Серебряное Копытце*» (П. П. Бажов) и др. Позиция имени в названии произведения также весьма значима для характеристики персонажа.

Таким образом, названия животных, птиц, насекомых в литературных сказках, в том числе и природоведческих, ориентированы на детское восприятие и в своей совокупности позволяют маленькому читателю достаточно точно представить и полно воссоздать образы персонажей, значительно расширяя представления ребенка об окружающем мире.

Нам представляется возможным среди «говорящих» рассматривать также прецедентные [см.: Бардакова, 2005а, 2005б] и аллюзивные имена.

Прецедентные онимы связываются в читательском сознании с прецедентными текстами и их создателями. Такие поэтонимы в художественном тексте включают как внетекстовые, так и внутритекстовые ассоциации. Так, имя героя сказки А. П. Гайдара «Горячий камень» Ивашки Кудряшкина отсылает читателя к фольклорным текстам (например, загадке о карандаше: *Черный Ивашка – деревянная рубашка*).

О лингвостилистических особенностях аллюзивного имени и его функционировании в художественном тексте пишут М. А. Соловьева [2005], А. А. Фомин [2004], Т. А. Гридина [1996], А. В. Суперанская [1986]. Аллюзивный оним потенциально ассоциативен, так как аккумулирует и опосредует предшествующий культурно-исторический (мировой и национальный) опыт, актуализация его значения предполагает установление сложной структуры внутритекстовых и интертекстуальных связей, и определение объема экстралингвистической информации. Входя в новый текст концептуально наполненным, аллюзивное имя понятийно «сужается», например *Айвенго* – ‘рыцарь’ («Рыцари» В. Ю. Драгунский), проходя путь уточнения ассоциативных смыслов в конкретном тексте. Процесс семантического «сужения», уточнения и конкретизации смыслов имени собственного может привести или приводит к деонимизации, или апеллятивизации, онима. Частичный переход антропонима из разряда имен собственных в разряд имен нарицательных является условием выполнения им функции вторичной номинации. В этом случае аллю-

живный оним способен соотноситься с именем персонажа произведения (как в целом тексте, так и в его фрагменте), участвуя в характеристике героев. Способность характеризовать персонаж посредством аллюзивного имени опирается на возможность переноса значения как на основе сходства отдельных черт внешности, характера, определенных свойств героя, так и на основе смежности, т. е. метонимического переноса, например рода деятельности.

Восприятие аллюзивного имени может вызвать затруднения у читателя, поскольку отсутствие у него необходимого культурно-исторического опыта, фоновых знаний может привести к непониманию авторского замысла и неверной интерпретации имени.

Так, В. Ю. Драгунский в тексты детских рассказов включает имена известных детям сказочных персонажей, которые воскрешают в памяти соответствующий образ, вызывают разнообразные ассоциации. Такие литературные онимы, называя, идентифицируют персонаж произведения, т. е. выполняют номинативно-идентифицирующую функцию: *Петрушка*, *Кот в сапогах*, *Красная Шапочка*, *Бабариха* и др. Аллюзивные онимы могут быть и средством характеристики. Например, в рассказе «Девочка на шаре» используется отсылка к известной картине Пабло Пикассо. Однако это – ассоциации взрослого человека. Герои Драгунского – дети (как и читатели). В цирке на Дениску – героя рассказа, огромное впечатление произвел номер в исполнении девочки-ровесницы: «Она весело смеялась, когда так бегала, как будто плыла, и я подумал, что она, наверно, и есть Дюймовочка, такая она была маленькая, милая и необыкновенная». В сознании ребенка, не знающего, как зовут эту девочку, легко и изящно катающуюся на огромном шаре, возникает ассоциация с известной ему сказочной Дюймовочкой: юная артистка такая же хрупкая, изящная, жизнерадостная, волшебна прекрасная, как и героиня сказки Андерсена. Позже мальчик узнает, что исполнительницу поразившего его номера зовут Танечка Воронцова. Таким образом, в тексте выстраивается номинативный ряд, воплощающий образ: *девочка*, *Дюймовочка*, *Танечка*.

Заимствованные имена собственные литературных героев используются авторами в сравнительных оборотах, характеризующих персонажей произведений для детей. Такие сравнения-характеристики доступны пониманию детей, так как взяты также из прецедентных текстов детской литературы: «какой-то дядька, похожий на *Мойдодыра*» («Куриный бульон»); «вошла Ефросинья Петровна. Симпатичная старушка, но немного похожая на *Бабу Ягу*» («Двадцать лет под кроватью»); «Марья Петровна... вся красная, как *синьор Помидор*» («Дядя Павел истопник») и др.

Таким образом, «говорящие» литературные онимы являются значимым элементом поэтики, выступают в качестве текстообразующего, жанрообразующего, стилистически маркированного средства в художественном пространстве детской литературы, являются доминантами контекстуальных синонимических и антонимических рядов, включающих разнообразные ономастические и апеллятивные номинации персонажей литературного произведения.

- Бардакова В. В.* Ономастическая лексика в русской литературной сказке // Проблемы современной филологии в педагогической практике (школа – колледж – вуз): Материалы науч.-метод. конф. Волгоград, 1999. С. 53–56.
- Бардакова В. В.* Поэтоним как художественное средство в современной литературе для детей (на материале произведений Ю. И. Ковалёва) // Русский язык и литература рубежа XX–XXI веков: специфика функционирования: Всерос. науч. конф. языковедов и литературоведов. Самара, 2005а. С. 379–383.
- Бардакова В. В.* Прецедентные имена собственные в произведениях детской литературы // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2005б. С. 146–148.
- Бардакова В. В.* Онимы в художественном мире литературной сказки // Ономастика Поволжья: Материалы X Междунар. конф. Уфа, 2006. С. 214–216.
- Бондалетов В. Д.* Русская ономастика: Учеб. пос. М., 1983.
- Воронова И. Б.* Textoобразующая функция литературных имен собственных (на материале эпических произведений XIX–XX вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Гридина Т. А.* Языковая игра: Стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
- Долженко Л. В.* Рациональное и эмоциональное в русской детской литературе 50–80-х годов XX в. (Н. Н. Носов, В. Ю. Драгунский, В. П. Крапивин). Волгоград, 2001.
- Долженко Л. В.* Имя персонажа в сказке Н. Носова «Приключения Незнайки и его друзей» // Ономастика Поволжья: Тез. докл. IX Междунар. конф. Волгоград, 2002. С. 36–38.
- Дьякова Т. В.* Жанрообразующие свойства поэтонимов (на материале английской и русской авторской сказки): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Карпенко М. В.* Русская антропонимика. Одесса, 1970.
- Соловьева М. А.* Лингвостилистические особенности актуализации аллюзивного имени в художественном тексте литературы // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2005. С. 168–170.
- Суперанская А. В.* и др. Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.
- Супрун В. И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград, 2000.
- Фомин А. А.* Литературная ономастика в России: итоги и перспективы // Вопр. ономастики. 2004. № 1. С. 108–120.
- Фонякова О. И.* Имя собственное в художественном тексте: Учеб. пос. Л., 1990.

Источники

- Бианки В. В.* Сказки. М., 2004.
- Драгунский В. Ю.* Денискины рассказы. М., 1999.
- Заходер Б. В.* Добрый Носорог. Сказки и стихи. М., 1977.
- Мамин-Сибиряк Д. Н.* Аленушкины сказки. М., 1998.
- Маршак С. Я.* Кошкин дом. Сказка про козла. Двенадцать месяцев. Теремок: Сказки для чтения и представления. М., 2005. (Хрестоматия школьника.)
- Носов Н. Н.* Приключения Незнайки и его друзей. СПб., 1993.

* * *

Вера Владимировна Бардакова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания в начальной школе Волгоградского государственного педагогического университета.